

Здравствуй, читатель,

перед тобой — мой новый роман в стихах; писать в рифму мне понятней и привычней, чем обычным, прозаическим слогом, так что не удивляйся форме романа. Что касается его содержания, то некоторые действующие в нём герои — те же самые, что и в предыдущей моей книге — «Чтоб человек не вымер на Земле...». Это следователи, оперативники, участковые инспектора; в той книге они работали — ловили преступников. В этой же они формально отдыхают — два друга приехали к третьему в гости в деревню, где всё и закрутилось. Время действия — 1999-й год, когда сильнейший экономический кризис, случившийся в России в 1998-м, ещё не закончился, люди продолжают бороться за возврат к нормальной жизни, у многих ещё и личный кризис в разгаре, когда не знаешь, что дальше делать и куда податься. Про это и книга — когда тебе плохо, делай хоть что-то, желательно с высокой степенью осмысленности, а лучше всего — вместе с людьми, которых ты ценишь и любишь. Тогда и успех рано или поздно придёт. Один ты — обычно никто, а с друзьями

и близкими ты несокрушимая сила. Об этом, в общем и целом, все мои книги, если повнимательнее вчитаться.

Один из главных героев романа — фермер, только-только вступивший на свой профессиональный путь. Я давно хотел написать что-нибудь дельное об этих людях — российских фермерах девяностых годов прошлого века, об их неистребимой воле к жизни, о том, сколько лиха им пришлось вкусить. Мой двоюродный брат — как раз такой фермер, он работал долгие годы в Сибири и много чего мне порассказал. Его рассказы в какой-то мере и пробудили во мне желание написать эту книгу.

Кроме того, в ранней молодости я посмотрел спектакль по пьесе Ивана Тургенева «Месяц в деревне» — мне там немного не хватило значимых ярких событий — уж если заехал так далеко, — думал я про главного героя, то и как-то поактивнее будь, раз в деревне оказался, вон вокруг всего сколько, когда ещё такой случай выпадет? В конце концов я решил написать книгу, где герои пробудут в деревне не один месяц, а целых два, вот уж веселья-то будет! А когда у человека веселье, да ещё и верные друзья с тобой рядом, то ты точно на правильную жизненную дорогу выружишь.

Итак, в предыдущей моей книге действующие менты работают, а в этой книге бывшие менты отдыхают, для этого они и приехали в деревню. Вот о том, как там дело было, я и написал свой роман.

Автор

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Привет тебе, друг мой читатель,
Опять я, наивный мечтатель,
Отчизну пытаюсь спасти –
Про нашу любимую землю,
Какая в ней силища дремлет,
Роман свой хочу написать.

Однажды мы с другом Витюхой
Под градусом были, под «мухой» –
В тот вечер наполнить бокал
Хороший резон был и повод, –
Недавно совсем, только что вот
Товарищ наш фермером стал.

Наш общий дружок Коля Шмаков
Средь зёрен там всяких и злаков
Теперь, словно рыба в воде.
С любого готов недосыпа,
С устатку пахать он, спасибо
Его путеводной звезде.

Он всю эту рожь яровую
Ни разу не видел вживую,

Но я вам скажу без прикрас,
Что Колька наш многое может,
С его-то умищем, и всё же
Вопрос оставался у нас

К любимому нашему другу:
С какого ему перепугу
По трудному топать пути,
Задача какая у Коли –
Кататься на тракторе, что ли?
Коров на природе пасти?

Хвосты им крутить? Так ведь Кольке
Во всей этой теме нисколько
Глубинная суть не видна –
В кормах, заготовках, надоях,
Поди без поллитры освой их,
Бессмыслица будет одна.

Ведь он горожанин обычный,
Потомственный житель столичный,
И, кстати, неглупый на вид,
Но, мысли свои выражая
Про пашню, про сбор урожая,
Он много кого удивит.

«Мне эта наука по силам», –
Свой выбор потом объяснил он,
И как это всё началась –
Мечта, словно молния, Колю,
Как пень, как сосну в чистом поле,
Пронзила однажды насквозь.

Его предки веками в большом и богатом селе
Спокон веку работали, жили, вставали с рассветом,
А потом, как траву, в тридцать третьем
на этой земле
Голод выкосил всех, никакого села больше нету.

Колька осенью в дождь зарулил на машине сюда:
«Эй, народ, отзовись, кто ещё моих родичей
помнит!»
Тишина. Никого. Лишь в оврагах шуршит лебеда,
Ветер воев вдали, и спускаются сумерки в полдень.

Тяжко, тяжело ему на исконных просторах родных,
Никого, никого средь развалин гнилых
деревянных,
Что когда-то домами звались. Только глянешь
на них —
Ноги сами бегут из глухих этих мест окаянных.

Вот тогда-то Колюхе на ум эта мысль и пришла —
Чтоб вспахать наконец их, великие эти просторы,
Что зовутся российской землёй, чтобы делать дела,
А не просто за рюмкой пустые вести разговоры.

Чтоб разглядеть получше эти земли,
Он, болтовни туманной не приемля
И рюкзачок собрав на раз-два-три,
На велике проехал для прикола
От Липецка до Старого Оскола,
А после от Тамбова до Твери.

Я пару слов о Кольке и Витюхе
Хочу сказать из общей уважухи
И к ним самим, и к старым временам, —
Когда-то мы давно ментами были,
Злодеев отмороженных ловили
По норам их, берлогам и углам.

Про нас любили девки посудачить,
Мы были мушкетёры, не иначе,
Как Д'Арганьян, Атос и Арамис,
И никакого тут уже Портоса,
На толстяков в ментовке смотрят косо,
А то и даже вовсе сверху вниз.

Нет, там в цене упругие, худые,
Поджарые, как гончие борзые,
Другого там не надо никого,
Да чтоб кураж имелся, нюх и норов,
Да чтоб ещё и, как у мушкетёров,
Один за всех и все за одного!

Что ж, в следствии местами так и было,
Когда вся наша братия служила,
Подобных мест у нас полным-полно,
Ну, а теперь, сдаётся мне, всё чаще
Там, где народ работал настоящий,
Совсем другое крутится кино.

Мои друзья в отставку в девяностом,
Колюха с Витькой, вышли. Ой, не просто,
Как и другим уволенным ментам,
Им было в этом новом СССРе,

Где каждый день невзгоды, словно звери,
За нами вскачь летели по пятам.

Нас жизнь трясла, корёжила, долбала
И так, и сяк, и всё ей было мало, —
Упал? Утёрся? Вот тебе ещё!
Сумятица и хаос на гражданке —
Вчерашние ворюги вышли в дамки,
А мы, так и вообще уже не в счёт.

Сказать вот так всю правду про Витюху,
Он у вокзала чипсы, бормотуху
И всякую другую ерунду
Ночами продавал, не скрою, было,
И бывшие научные светила
Стояли вместе с ним в одном ряду

И колбасу, горошек продавали,
Консервы, водку, тем и выживали,
И выжили в итоге. Знай, народ,
Что всё у нас наладится когда-то
И что довольно крепкие ребята
Науку нашу двигают вперёд.

Витюха, тот ещё и стеклотару
Умел сдавать, и песни под гитару
За деньги на Арбате исполнял —
И джаз, и блюз, и русские частушки,
Но всё же после выпитой чекушки
Настроен был на оперный вокал.

А Колька наш галопом одичалым
В учителя помчался поначалу,

Такой вот у судьбы его изгиб —
Пошёл работать в школу по соседству
Ботаником, поскольку с малолетства
Был знатоком аквариумных рыб.

Короче, нас всех помотало,
И термин «усталость металла»
Вполне уже к нам применим.
Мы нервы имели стальные,
Но в новой свободной России
Хана наступала таким,

Как мы, кто закон и порядок
Без всяческих разных оглядок
Привык соблюдать до конца, —
Истрёпаны нервы, как тряпки,
Истлели, как старые тапки,
Изношены наши сердца.

Как камни по насыпи, вниз мы
На самое дно этой жизни
Скатились, как брёвна в овраг,
Но есть кое в ком ещё сила,
И мысль — та, что Кольку пронзила,
Звучит приблизительно так:

«Хочу, чтоб житьё было наше
Таким, чтобы хлеба и каши
Всегда было вдоволь у нас,
Чтоб люди друг друга не грызли,
И слёзы — солёные брызги —
У них не катились из глаз».

Вот так вот как раз он и думал,
Когда тяжело и угрюмо
Дома обступили его
В селе, по которому голод
Ударил однажды, как молот,
И нет там теперь никого.

«Вперёд! — сам себе говорил он, —
Долой болтовню, мне по силам
Наладить нормальную жизнь —
Не здесь, где и впрямь больше нету
Вообще ничего, а хоть где-то.
Давай ты уже, подружись

Со мной, дорогая Фортуна!
Петух, что ли, жареный клюнул
Меня, что уже и никак
Спокойно на месте без дела
Сидеть не могу. Надоело,
Когда всё вокруг враскосяк!»

И вот в девяносто восьмом он
(Эх, времечко было весёлым!)
Напряг посильнее башку,
Чтоб думала без остановки,
И бизнес купил по дешёвке,
Лежащий давно на боку.

Седовласый полковник в отставке
по прозвищу Клещ,
Бывший Колькин начальник, совет ему дал
в этом деле:

«Ты давай уж, нагрузками сердце своё не калечь,
Может, хватит кататься-то? Выбрось его,
этот велик!

Можно долго её, бесконечно ту землю искать,
На которой нормальную жизнь ты
мечтаешь наладить,
И себя самого этой гонкой в могилу загнать,
Хватит дёргаться, Коль, тормозни ты уже,
Бога ради!

Я тут рядом на пасеке пчёл развожу десять лет.
Разорившийся фермер один, что живёт
по соседству,
Хочет акции сбавить свои — стопроцентный
пакет,
Так бери их скорее, и в бой — сей, паши
и не бедствуй!»

Потому-то Колоуха те земли в аренду и взял,
Он послушал Клеща, сколько можно
на велике ездить
И глазеть на природу. «Чего тут тебе, кинозал?» —
Клещ с кредитом Колоухе помог, вот теперь всё
на месте!

«Он что, банкир, — меня читатель спросит, —
Или косою волшебной деньги косит?»
Да нет, конечно, просто у Клеща
С банкиром Сашкой — боевое братство,
У самого же всё его богатство —
На шее шрам от уха до плеча.

Два другана, по возрасту погодки,
Они служили вместе на подлодке,
Авария была у них, беда,
Там грохнул взрыв, свои пришли на помощь.
Они сумели выжить, а потом уж
И вовсе стали не разлей вода.

В конце пятидесятых это было,
Потом другое время наступило —
Как говорится, с корабля на бал
Швырнуло Сашку — в вуз по доброй воле,
А Клещ курсантом в милицейской школе,
Как только дембильнулся, сразу стал.

Потом полгода в розыске стажёром
Он отпахал — ворьё гонял по норам,
Он отбивную сделать мог из них
С его-то силой — запросто, в два счёта,
Но только шрам на шее заработал,
Когда пошёл один на четверых.

А Сашка стал советским финансистом,
Он тридцать лет путём крутым, тернистым
По лестнице карьерной топал вверх
И, подружившись крепко с этим миром,
В начале девяностых стал банкиром.
А что? Банкир — он тоже человек.

Напрасно их прохвостами считает
Народ, который всё у них мечтает
Отнять и меж собою поделить.
Ну, поделил, а дальше? Если банки

От этой незаслуженной подлянки
Закроются, то как нам дальше жить?

Без банков и кредитов всё бы сразу
Накрылось в три секунды медным тазом,
Мне говорить об этом не впервой,
Что, пребывая в грусти и печали,
Все бизнесы давно бы дуба дали,
И не было бы жизни никакой.

Кумекайте, ребята, в корень зрите!
У Кольки по кредиту поручитель —
Не кто иной, как Клещ. Он уломал
Под честное прописанное слово
Банкира, Сашку, друга боевого,
Чтоб он Колюхе нужный капитал

На сделку дал. Хотя какой он Сашка?
Ему под шестьдесят уже, и тяжело
Ему такое дело наблюдать:
Семь раз из десяти, а то и девять,
Народ берёт кредит, а что с ним делать,
Не знает, и просвета не видать.

В сознании у них там только сумрак,
Развал, сумбур, и каждый недоумок
На поворот волшебного ключа
Надеется: кредит, мол, путь к успеху!
Неужто он такой же неумеха,
Заёмщик этот, Колька, друг Клеща?

Однако что вышло, то вышло.
Получен кредит. Колька выждал
Три дня, чтоб себя самого
Проверить, а правда сегодня
Вопрос, что так резко он поднял,
Важнее всего для него?

Да, Колька всё правильно понял.
Уж если мы вскачь, словно кони,
Во имя великой мечты
Галопом летим без оглядки,
Мы в полном должны быть порядке,
Иначе нам сразу кранты.

Сомненья долой! — вот о чём я,
Они, словно снежные комья
С обломками острого льда
Летят в нас и с толку сбивают,
И наша дорожка кривая
Ведёт нас незнамо куда.

«Нормально! — сказал себе Колька, —
Стартую! Готов! Мне бы только,
Чтоб люди в голодном бреду
С деревьев листву не жевали,
А чтоб под коктейли в бокале
Нормальную ели еду,

И дело чтоб двигалось в гору,
И чтобы вокруг прокуроры
Имели хоть каплю души,
И чтоб не борзела легавка,

И, словно стальная удавка,
Убыток тебя не душил!»

В хозяйстве, что Кольке досталось,
Какая-то с виду усталость,
Печаль вековая была —
Дома с земляными полами,
Продутые всеми ветрами,
Без света, огня и тепла,

Где раньше рабочие жили;
Земля, что под тучами пыли
Без всякого смысла лежит;
Косые в заплатках заборы;
Кобель у сарая, который
Себя самого сторожит —

Худющий, хромой, несерьёзный;
Кривые сутулые сосны,
Застывшие молча вдали,
В свои погружённые думы,
Как строй арестантов угрюмый,
Которых на казнь привели —

Можно долго ещё продолжать.

Кто-то спросит меня, — «Вот скажи, для чего, —

Колька влез во всё это?» Не знаю.

Тут и впрямь ни черта, никаких перспектив

В это мёртвой глуши, лишь одна только для него

боль головная —

Водку пей и гоняй по бескрайним полям саранчу,
Думай, репу чеши: а зачем мы живём все на свете?
«А поля-то и вправду бескрайние, сей не хочу», —
Это Колька потом нам с Витюхой

при встрече ответил

Про свои перспективы. Читатель, давай мы с тобой
На секунду вернёмся к началу романа — смотри-ка:
Я у Витьки в гостях. Пиво. Раки. Балкон.

Мы о вечном по-дружески спорим   Летний зной.
без лишнего крика.

...Спор был жарким, однако: Россия вот,
наша страна,
Тыщу лет проживёт ещё, или исчезнет из виду?
«Если люди работать не будут, то всем нам хана.
Слава пахарям! Ленъ — это смерть!» —
Витька формулу выдал.

